

- ⁴ *Būga K.* Rinkiniai raštai II, 632; I, 489; *Karalюнас С.* К вопросу об и.-с. *s после i, u в литовском языке // *Baltistica* I (2), 1966; *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca, II. Rīga, 1992, 423.
- ⁵ *Ślawski F.* Oboczność q : u w językach słowiańskich // *SOc* 18. Poznań, 1939–1947, 285–286.
- ⁶ *Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Pr., 1979, 350.
- ⁷ *Orlovský J.* Gemerský nářečový slovník. V Rimavskej Sobotě 1982, 359.
- ⁸ *Бодуэн де Куртэнэ И.А.* Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. II. Образцы языка на говорах терских славян в северо-восточной Италии. СПб., 1904, 32.
- ⁹ *Būga K.* Op. cit. I, 361.
- ¹⁰ *Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Op. cit., 519.
- ¹¹ *Vujičić M.* Рјечник говора Прошћења (код Мојковца). Црногорска Академија наука и умјетности. Посебна издања. Књ. 29. Од. умјетности. Књ. 6. Уредник Д. Ђупић. Подгорица, 1995, 121.
- ¹² *Bezljaj F.* Einige slovenische und baltische lexische Parallelen // *Linguistica* VIII / 1. Ljubljana, 1966–1968, 78.
- ¹³ *Jagić V.* Zum litoslavischen Sprachschatz // *AfslPh* II, 1877, 398.
- ¹⁴ *Ślawski F.* Op. cit., 285–286.
- ¹⁵ *Gregor A.* Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha; Brno, 1959, 120.
- ¹⁶ *Cieślakowa A.* Staropolskie odapelatywne nazwy osobowe. Proces onimizacji // *Prace Instytutu języka polskiego*. 71. Wrocław etc., 1990, 121.
- ¹⁷ Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Opracowany przez zespół zakładu słowianoznawstwa PAN pod kierunkiem Zd. Stiebera. Zesz. I. Część II. Wykazy i komentarze do map 1–50. Wrocław etc., 1964, mapa 26, 91–92.
- ¹⁸ См. также: *Handke K.* О некоторых лексикальных параллелях касzubско-луżyцких // *SO* t. 31, 1974, 44; *Rzetelska-Feleszko E.* Odrębność leksykalna gwar środkowokaszubskich // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej* 8, 142.
- ¹⁹ См. еще: *Младенов С.* История на българския език. С., 1979, 145.
- ²⁰ См. об этой группе слов: *Варбот Ж.Ж.* Заметки по славянской этимологии // *Этимология* 1968. М., 1971, 69–72; *Она же.* Праславянская морфология, словообразование и этимология. М., 1984, 103–104.

И.П. Петлева*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XIX

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. **stbrvo*

Праслав. **stbrvo* (**stbrvъ*, **stbrvь*, **stbrva*), по мнению Фасмера, Скока и др., представлено во всех славянских языках, кроме чешского (и, добавим, словацкого) (Фасмер III, 756; Skok III, 351). У Фасмера (Там же) дается следующий перечень славянских соответствий: болг. *стръв*, с.-хорв. *стрѣв* м.р., словен. *střv* ж.р. 'жердь в стогу', *ostřv* 'сухое дерево для насаживания снопов', польск. *ścierw*, *ścierwo* 'падаль', в.-луж., н.-луж. *ścerb* то же, др.-рус. *стърва* ж.р., *стървь* ж.р. 'труп', рус.-цслав. *стървь* *векрѣс*, рус. *стърва* ж.р., *стърво* 'падаль' (Даль),

*© И.П. Петлева

укр. *стёрво*, блр. *цёрва*. Сюда же следует присоединить макед. *стрв* ж.р. (И-С 486) и ц.-слав. формы, приведенные Миклошичем: *стръво*, *стерво*, *стръвъ* (Miklosich LP). Однако включение Фасмером в состав гнезда **stǫv-* словенского *ostǫv* ‘сухое дерево для насаживания снопов’ и *stǫv* ж.р. ‘жердь в стогу’ представляется ошибочным, т.к. еще Миклошич объединял эти слова со славянскими лексемами, обозначающими заостренный кол или дерево (ель и др.) с сучками или коротко обрезанными ветками, которые служили остовом стога сена или хлебной укладки или вешалом для просушки льна, овса, гороха и т.п. Это с.-хорв. диал. *острва* ‘кол перед домом (на который вешается оружие)’, чеш. *ostrev* ‘Leiterbaum’, словц. *ostrva* ‘сухое дерево с ветками’, укр. *острова* ‘заостренный кол для укладывания сена; кол (тычина) для хмеля’, *остерва*, *остирва* ‘тонкое очищенное деревцо для изгороди’, которое далее связываются с **ostrъ(jb)*, **ostroga*, **ostъ* (Miklosich 227: статья **os-*). Сюда же нужно присоединить целый ряд рус. диал. слов: *остров* м.р. ‘нетолстое срубленное дерево с подрезанными сучьями’ (том.), *бостров* м.р. ‘ель с сучьями’ (волог.) и *острбв* м.р. ‘род вешала – кол с сучьями для подсушки снопов хлеба, льна и т.п.’, *острбв* ‘вбитый в землю кол, вокруг которого мечут стог’ (новгор., калин.) (Филин 24, 81), *острбвь* ‘суковатая жердь, которой подают снопы в овин для сушки’ и др. знач. (волог.), *острбви* мн.ч. ‘колья с заостренными концами’ и др. примеры, а также *острэвье* и *острэвье* ср.р. ‘сооружение из жердей с сучьями, на которое навешивают лен для просушки; большая укладка гороха в поле’ (псков.) (Там же). Привлекают внимание такие примеры, как *бострево* = *острей* ‘острие’ (Ярослав. словарь (о-пито) 60), *острой*, чаще мн.ч. *острой*: Стог ставишь, а в середку *острой* вкладываешь (Сл. Сред. Урала III, 74) и др.

Праслав. **stǫvo* не имеет общепринятой этимологии, хотя относительно его происхождения существует несколько гипотез. Миклошич сопоставлял его с лит. *stėrva* и лтш. *stēva* в знач. ‘падаль’ (Miklosich 322), однако, очевидно, оба этих слова являются заимствованиями – соответственно из белорусского и русского языков (Fraenkel 903 с литературой). Фасмер совершенно справедливо считает необоснованной как версию о заимствовании **stǫvo* из др.-в.-нем. *sterbo* ‘pestis’, вопреки Уленбску, так и мысль Мейе о связи со **sterti* (ср. рус. *постереть* и др.), лат. *sternō, -ere* ‘расстилать’, др.-инд. *stṛṇōti* ‘усыпает’ (Фасмер III, 757). Одна из двух наиболее распространенных интерпретаций основывается на семантической модели ‘умереть’ < ‘окоченеть, стать твердым, неподвижным’, сближая **stǫvo* со слав. **stǫrbnqti* (рус. *стербнуть*, греч. *στερεός* ‘твердый, крепкий’ (Преображенский II, 383), лит. *styru, styreti* ‘цепенеть’, *pastyrės kuns* ‘оцепеневшее (мертвое) тело’. Однако она не представляется приемлемой, т.к. данная семантика не характерна для слов гнезда **stǫv-* (еще раз подчеркнем, что словенские лексемы со значением ‘жердь, сухое

дерево' сюда не относятся). Что касается другой достаточно известной гипотезы, то она исходит из первоначального значения 'гниль, разлагаться, пачкать; грязная жидкость, навоз', сближая **stbrv-* с лтш. *stērdēt* 'сохнуть, гнить' (Mühlenbach–Endzelin 3, 1063), норв. диал. *stor* ср.р. 'гниение, тлен', *stora, storna* 'гниль, истлевать', лат. *stercus, -oris* ср.р. 'навоз, помет, кал', авест. *star-* 'осквернять себя' и др., далее к *(*s*)*ter-* (Pokorny I, 1031–2; Skok III, 351; Фасмер III, 757 с литературой: Перссон 458; Петерссон BSl 72 и сл.; Хольтхаузен PBB 66, 266; Младенов 613 и др.). Минусом этой версии является тот факт, что при данной интерпретации **stbrv-* оказывается совершенно изолированным в славянских языках. Включаемое же Покорным в состав этого и.-е. гнезда болг. *top* 'навоз' предпочтительнее рассматривать в кругу лексем, восходящих к корню **ter-* 'тереть' (в ступени **tor-*), как то делают многие исследователи – см. Miklosich 352–3; Skok III, 512; Фасмер IV, 81 и др. Так, в частности, Фасмер в одном ряду с болг. словом приводит рус. (Даль) *top* 'проложенная дорога; оживленное место', укр. *top* 'колея' (у Гринченко IV, 275: *top* 'след, колея'), с.-хорв. *tōp* 'загон', чакав. 'след, ограда', словен. *tōr* 'трение', польск. *tor* 'проторенная дорога' и т.п.; сюда же следует присовокупить с.-хорв. диал. *top* 'конский навоз' (М. Томић. Говор Свиничана 225), *topína* ж.р., *topíne* мн.ч. 'несъеденные остатки сена' (Там же), *tōruna = toru`na* 'помет мелкого скота' (Skok III, 512), блр. *atópa* ж.р. 'мелкая солома' (Байкоў–Некраш. 37) и др. примеры. Причем семантическая модель может быть представлена в таком виде: 'тереть, перетирать' → 'что-л. перетертое и отделенное, выделения, мелкие отбросы: мелкая солома, труха, мусор, сор, навоз' или 'отбросы: мелкая солома, труха' → → 'мусор, грязь' → 'навоз'. Ср. с.-хорв. *iz-met* 'сор, мусор, отбросы; помет, навоз', рус. *по-мет* 'навоз', с.-хорв. *nečistōña* 'нечистота, грязь; кал', лат. *ex-crementum* 'отходы, отсеб, высебки; выделение; экскременты, кал' – от *ex-cerno* 'отделять, выделять'.

Учитывая тот факт, что в некоторых вышеприведенных примерах представлено значение не 'навоз, (любой)', а лишь 'навоз (помет) мелкого скота или лошадей', можно думать о цепочке 'мелкие отходы, сор, мелочь' → 'навоз (помет) коз, овец' → 'навоз'. Ошибочное включение лексемы *top* в состав гнезда *(*s*)*ter-* 'пачкать; грязь и т.п.', а не **ter-* 'тереть' вызвано невниманием к славянскому окружению данного слова и особенно к его семантическим связям.

В случае со слав. **stbrv-* именно тщательное семантическое обследование его континуант дает возможность взглянуть по-новому на его этимологию. Значение 'падаль' представлено в большинстве славянских языков (цслав., макед. (*стрв-ина*), с.-хорв., в.-луж., н.-луж., польск., рус., укр., блр.), однако болг. *стръв* – это 'приманка, наживка', а также 'ярость, ожесточенность; алчность', макед. *стрв* – 'страстное желание, жажда (чего-л.); остервенение, кровожадность', что, естественно, требует своего объяснения (об этом см. ниже). В

ряде примеров представляет интерес сама формулировка значения. См., напр., с.-хорв. диал. *стрв* ‘остатки погибшего домашнего животного’ (Ровинский 676), *стрѣв* ‘остатки от погибшего или зарезанного животного’ (М. Вујичић. Рјечник Прошћенџа, 115–116), рус. диал. *стѣрва* ‘труп животного, падаль, не доеденная медведем туша животного, возле которой устраивают засаду охотники’ (Сл. Среднего Урала VI, 61), *стѣрво* ‘падаль; издохшее или задавленное зверем животное’ (Куликовский 113), а также, возможно, с.-хорв. диал. *стрѣв* м.р. ‘сор, мусор, навоз’ (Ј. Мијатовић. Прилог познавању лексики српских говора, 170), *стрѣв* ‘мусор, грязь, беспорядок’ (М. Чешљар. Из лексики Иванде, 137) и *střv* ж.р. ‘беспорядок, разбрасывание вещей’ (М. Реић–Г. Ваћлија. Реџник баџких Вупјеваца, 343); *по-стрѣвци* м.р. мн.ч. ‘(мелкие) части’ (Ј. Динић. речник тимочког говора, 218) (< **po-střv-ьсь*). Причем значение ‘след’, отмечаемое у с.-хорв. слова *стрѣв*, является непосредственно связанным с ‘падаль’, трактуемым как ‘куски, частички, остатки’, см. еще: Нема *стрви* (трага) оној овци (М. Вујичић. Рјечник Прошћенџа, 115–116), отићи у *бестрв* ‘без возврата и следа исчезнуть’ (Ровинский 676), у *бе`стрѣв* ‘очень далеко, без следа...’ (РСА I, 517–518), *бе`стрѣва* ‘очень далеко, неизвестно куда; полностью, совсем’ (Там же, 518), *бѣстрвити* = *бестрагати* ‘погубить, уничтожить, истребить’ (Там же), *обѣстрвити* ‘уничтожить без остатка (без следа)’, *обѣстрвити се* ‘уничтожиться (пропасть) без следа, погибнуть’ (RJA VIII, 362; Толстой¹ 499). Итак, ‘падаль’ и ‘след’, видимо, можно понимать как ‘куски, остатки; мелкие частички, сор’. Поэтому представляется едва ли правомерным отделение Миклошичем *strv* ‘след’ от *strv* ‘падаль’ и внесение их в разные этимологические гнезда (см. Miklosich 322; 352), а также включение Скоком *strv* ‘след, остаток’ и *obestriviti* одновременно в состав двух статей Этимологического словаря – *strv* и *trti* (см. Skok III, 351; 512), что свидетельствует о неопределенности его позиции в отношении трактовки этих лексем.

Что касается значения ‘приманка, наживка’, то оно, очевидно, восходит к ‘кусочку мяса’, см. показательные в этом отношении примеры: болг. *стрѣвь* ж.р. ‘положить где-л. мясо или что-л. другое, чтобы приманить какого-л. зверя, поймать его и убить; мана, наживка, приманка, привада, прикормка...’ (Геров 5, 274), *стрѣв* ж.р. ‘мясо или что-л. другое в качестве приманки’ (БТР³ 976), ср. еще *стрѣвостъ* ‘обжорство, алчность’: *за стрѣвост* – ‘кусок мяса насаживается на крюк как приманка для дичи’ (Геров, там же), *стрѣволінка* ж.р. ‘мясо, сыр и другая скоромная пища...’ (Там же), диал. *штѣрѣбол’ина* ‘приманка, преимущественно – мясо’ (Божкова БД I, 273), далее диал. *стрѣбол’ина* ж.р. собир. ‘конфеты, фисташки, сладости или какое-н. другое лакомство...’ (Шапкарев–Близнев БД III, 278), *штарвалб* к м.р. ‘лакомство, сладости’ (Стойчев БД II, 306).

Итак, прослеживается цепочка ‘кусочек мяса’ → ‘мясо как приманка’ → ‘приманка, наживка (любая)’ → ‘лакомство, сладости’.

Исходя из семантики рассмотренных выше слов, кажется возможным интерпретировать **stьrvo* ‘падаль’ как ‘остатки (кусочки мяса, клочья и т.п.) (домашнего) животного, растерзанного диким зверем (волком и др.)’ и предполагать его отглагольное происхождение. Ср. значение, правда, толкуемого, неоднозначно (о чем см. ниже) с.-хорв. глагола *растрвити* – ‘растерзать и растащить, разбросать...’; *...све растрвьено* – ‘об остатках овцы’ (Ровинский 676). Производящим для **stьrvo* глаголом, обозначающим разрушительное действие, должен был быть, очевидно, **terti*, **тьrq* ‘тереть’ – см. семантику ряда примеров: с.-хорв. *сà-тpти* ‘стереть; растереть, истолочь’ и ‘погубить, уничтожить’ (Толстой¹ 852), *ис-тpти се* ‘пропасть, уничтожиться’ (Там же, 295), *зà-тpѣти* ‘истребить, искоренить, уничтожить’, *зà-тpѣти се* ‘погибнуть, уничтожиться (без остатка)’ (Там же, 227; РСА VI 490–491: *зàтpти* = *зàтpѣти* = *зàтpијети*), см. еще отглагол. сущ. *зà-тра* ж.р. ‘истребление, мор и болезнь, которая “з а т и р е с т о к у” (т.е. губит скот)’ (РСА VI, 479–480), где в формулировке значения представлено существенное для нас употребление глагола гнезда **ter-* ‘губить, уничтожить’ в сочетании с лексемой, означающей ‘скот, скотина’. Др.-рус. глагол *сѣтpѣти* = *сопpѣти* = *сѣтьpѣти* также демонстрирует значения, которые вполне могли служить базой для образования лексемы **stьrvo* с исходной семантикой ‘кусочки, клочки (о задавленном, растерзанном животном)’ – это, в частности, ‘задавить; надломить, сокрушить; рассеять’ (Срезневский III, 848). См. еще рус. *сопpет главу* ‘сокрушит’ (Даль² IV, 324), *стереть с лица земли* ‘уничтожить, разрушить до тла’ (Там же). И в этой связи показательно еще одно значение, отмечаемое для *стерво* в Словаре Срезневского, – ‘гибель’ (Иов. XV. 23; Библия. 1499 (Бусл. 170) (Срезневский III, 586). При условии принятия родства **stьrvo* с **terti*, **тьrq* следует допустить возможность существования в славянских языках разновидности этого глагола с начальным *s-mobile* *(*s*)*terti*. Это предположение относительно слов **na(s)terti*, **na(s)torъ*, **na(s)torъnъjъ* было выдвинуто Ж.Ж. Варбот². Согласно принятой нами интерпретации, **stьrvo* образовано на славянской почве от *(*s*)*тьrq* (презентной основы от *(*s*)*ter-ti*) с помощью суф. -v-. Сходным образованием является, по-видимому, слав. **тьrva* от **ter-* ‘тереть, дробить’. Причем семантика лексем гнезд **stьrv-* и **тьrv-* достаточно близка друг другу, см., в частности: болг. *мрѣва* ‘кусочек мяса; мелкая пыль...’, *мрѣва* ‘кусочек мяса’, макед. *мрва* ‘крошка; кусочек мяса’, с.-хорв. *mr`va* ‘крошка, кусочек’, словен. *mr`va* то же и ‘корм’, *mrve* ‘сенная труха’, чеш. *mrva* ‘нечто мелкое, дробное; сор, мусор, навоз, соломенная труха’, польск. *mierzwa* ‘старая, раскиданная солома; навоз, удобрение’, словин. устар. *пѣрва* ‘непорядок’, др.-рус. *мерва* ‘мелкие

отходы при обработке льна, зерновых культур’, рус. диал. *мерва* ‘мелкие отходы при трепании льна’ и т.п. (ЭССЯ 21, 151–153), чеш. *trvina* ‘нечто хрупкое, рассыпающееся, навоз’, диал. *trvine* ‘обмолоток, нечистоты...’ (Там же, 155). Семантически близки также континуанты гнезд **stbrv-* и **dbr-(*der-)*, см., напр., рус. *драть* ‘рвать, раздирать на части, отрывать, вырывать, отделять, срезать что-л., измельчать, дробить’, *дрань* ‘сало, отрезанное от туш или выдранное из туш’, *дрянь* ‘кал (человека), навоз, гной, гнойные выделения; негодная вещь, хлам’, словц. диал. *draňa* ‘падаль, дохлятина’, ст.-чеш. *drt* ‘крошки, опилки’, чеш. *drt* ‘труха, крошево’ (ЭССЯ 5, 218; 217; 227), а также с.-хорв. *дртина* ‘труп животного, падаль’ (РСА IV, 741).

От **stbrvo* образован целый ряд производных. Это прежде всего глаголы: цслав. *стръвити сѧ* ‘поедать падаль’ (Miklosich LP 893), с.-хорв. *стръвити* ‘пачкать, грязнить’ (Толстой¹ 916), *остръвити се* ‘запачкаться кровью’ (Там же, 361), *острѣвити* ‘испачкать кровью’ (Benešić 9, 1906), диал. *застрѣвити* ‘завалить (засыпать) отбросами, отходами, загадить, загрязнить’, а также ‘просыпать, разбросать навоз по ниве, сено, солому’ (РСА VI, 434), *острѣвити се* ‘повадиться, привыкнуть есть падаль’ (М. Вујичић. Рјечник Прошћења 85), *острѣвити* ‘испачкать (особенно кровью)’ и *острѣвити се* ‘наскочить (натолкнуться) на падаль и пожирать ее (о собаках)’ (RJA LI, 284 с примечанием, что основным, однако не зафиксированным, значением является ‘испачкаться падалью’), рус. диал. *застервѣть* ‘загрязнить, загадить падалью’ (Филин II, 60: ворон.). Значение ‘остервениться, одичать, озлобиться’ развивается, очевидно, на основе ‘дичать от пролитой крови, убийства’ или ‘неистово желать мяса, стремиться его добыть’ – см.: *острѣвити* ‘сделать одичавшим, взбесившимся’, ‘испачкать (особенно кровью)’ и *острѣвити се* ‘соблазниться, полакомиться, приманиться’, ‘испачкаться кровью, одичать, прийти в неистовство (от пролитой крови, убийства)’ (РСКЖ 4, 231), *настрѣвити* и *настрѣвити* ‘сделать кровожадным. и желающим мяса’ (РСА XIII, 460), см. также значения ‘найти, увидеть малейший знак, след чего-л. или кого-л.’ и ‘просыпать, разбрасывать (крошки, солому и т.п.)’ (Там же). См. далее макед. *стрви се* ‘остервенеть’ (И-С 486), *настрви* ‘ожесточить, озлобить’ (Там же, 296), с.-хорв. *острѣвити се* ‘остервенеть’ (Толстой¹ 561), диал. *острѣвити се* ‘обрушиться, взъесться (на кого-л.)’ (М. Чешљар. Из лексике Иванде, 128), рус. диал. *остервѣть* ‘озлобиться, остервенеть’, *остѣрвѣться* = *остервенѣться* ‘прийти в ярость, рассвирепеть, остервенеть; ожесточиться’ (Филин 24, 66: псков., смол., орл., вят., сибир., владим., вят., новосиб., иркут.), *остѣрвѣться* ‘рассердиться, разъяриться’ (Сл. Среднего Урала III, 73), блр. *остѣрвѣться* ‘дойти до сильного озлобления’ (Носович 944), *не стярвись* – ‘не упорствуй, не спорь’ (Там же, 376), болг. *стрѣвъ* ‘приманивать’ (Бернштейн 379), *настрѣвъ* ‘ожесточить, озлобить; натравить (на кого-л.)’, *настрѣвъ се* ‘прийти в ярость, остер-

венеть' (Бернштейн² 356), *настървя* 'науськивать, натравливать; подстрекать, побуждать' (Бернштейн¹ 202), *настървя* 'побуждать, приучать делать что-л. (обычно плохое)' (БТР³ 516) и др. примеры. Далее от **stǃrviti* через ступень **stǃrven-* (страд. прич. прош. вр.) образовались глаголы **stǃrveniti* (*se*), **stǃrveněti*: см. рус. псков. субстантивированное причастие *стервѣнь* 'бешеный сорванец, неистовый буян' (Даль² IV, 323), *стервенѣть*, *стервеніться* 'стать, приходиться в остервененье, в бешенство, неистовство, ярость, зверство; начать остервеняться' (Там же), *застервенѣть* 'остервенеть' (Филин 11, 60 олон.), *остервеніться* 'разозлиться (о животных), оскалиться' (Там же 24, 66: волог.), блр. *стервянеть* 'озлобляться, ожесточаться' (Носович 376). Что касается значений существительных 'подлая, мерзкая, стерва' или 'наглец, стервец', то они являются переносными, связанными с 'падаль': ср. нем. *Aas* 'отруби', 'падаль' и 'стерва' (ругат.).

В ряде случаев относительно этимологии какого-л. слова существуют разные точки зрения. Так, с.-хорв. *rastrǃviti* 'беспорядочно что-л. разбросать' объясняется в Загребском словаре как *raz-stǃviti* с замечанием: "kao *strv* razbacati?" (RJA XIII, 331), тогда как Миклошич специально подчеркивает, что этот глагол должен рассматриваться в составе гнезда *ter-*, а не *sterv-*, предполагая для него ступень *trǃ-*, к которой он возводит и с.-хорв. *trvenik* 'via trita' (Miklosich 322; 353), т.е. **orz-trǃviti*, **trǃvenikъ*. Скок же, выделяя ступень **trv-* в составе гнезда **ter-*, вообще не уточняет характер вокализации (**trv-*? **trǃv-*?) (Skok III, 512). В некоторых случаях формальных отличий у континуант *(*s*)*trv-* и **trǃv-* нет, особенно в префиксальных (*s-*, *is-*, *ras-*) образованиях, см. напр.; кроме *rastrǃviti*, с.-хорв. диал. *strǃvim* 'рассыпать, просыпать, раскидать', *ustrǃvim* 'потерять' (Н. Живковић. Речник пиротског говора 150), *ustrǃviti* 'просыпать, рассыпать' (РСА VI, 381), болг. *изтърва* 'ронять, вышукать из рук, выпускать добычу' (Бернштейн¹ 135), приведенные выше с.-хорв. диал. *strǃv* 'мусор, беспорядок' (**stǃ-trǃvъ* или **stǃrvъ*?), с.-хорв. *ustrǃvak* 'обмылок'. Существенно отметить, что в ряде слов, по-видимому, представлена основа **trǃv-* (без *s*-mobile или приставки *stǃ-*) – это *zǃ-trǃviti* 'затерять' и *zǃ-trǃven* 'уничтоженный, истребленный' (РСА VI, 483; Толстой¹ 227). И последнее замечание. Существование четырех форм – **stǃrvo*, **stǃrvъ*, **stǃrvъ*, **stǃrva* по-видимому, дает основание предполагать, что они могут восходить не непосредственно к презентной основе *(*s*)*trv-* глагола *(*s*)*ter-ti*, а к отглагольному прилагательному, являясь результатом его субстантивации. Семантическую же эволюцию 'падаль', очевидно, можно представить себе как 'куски мяса, клочки, остатки р а с т е р з а н н о г о животного' → 'падаль' (первоначально только по отношению к такому животному).

¹ Потебня А.А. Этимологические заметки // РФВ. Т. IV, 1880, 212.

² Варбот Ж.Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 104. См. еще о вероятности присутствия *s-mobile* в праслав. **starati(se)* при возведении последнего к **ter-* 'тереть': Она же. Об этимологии глагола *starǫt'sja*. // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995, 81–82.

В.Э. Орел*

ПРАСЛАВЯНСКИЕ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Памяти моего учителя
Леонида Гиндина

Слав. **mirъ*

Общеславянское слово **mirъ*, пережившее достаточно типичную для этого круга понятий семантическую эволюцию от значений типа 'дружба, согласие, спокойствие' к социально и концептуально насыщенным понятиям 'мир, свет' и 'община, общество', 'народ, люди' (последние – исключительно в восточнославянском, см. СРНГ 18, 170; Гринченко П, 426)¹, едва ли может вызвать какие-либо сомнения в том, что касается его принадлежности к и.-е. **mēi-* 'связывать' (Pokorny I, 711 – 712)². Однако наличие – пусть даже верной – корневой этимологии еще не влечет за собой ясности в деталях и не характеризует слово **mirъ* с точки зрения его деривационной истории и, в особенности, его положения в кругу близких индоевропейских форм. В этом смысле существенно то обстоятельство, что у слав. **mirъ* отсутствуют или, по крайней мере, не фигурируют в явном виде точные цельнолексемные соответствия в других индоевропейских языках, прежде всего, в балтийском, поскольку ст.-лит. *mieras* 'мир, покой' (в Катехизисе 1547 г.) и лтш. *miērs* то же все-таки должны рассматриваться как старые славянские заимствования³.

Выводя за рамки этимологии как таковой указанные балтийские формы, мы сразу же резко сокращаем весь объем сопоставления. При этом основным и ближайшим соответствием слав. **mirъ* оказывается славянская же форма **milъ* 'милый, любимый' (ЭССЯ 19, 56), которая как раз в отличие от **mirъ* имеет совершенно очевидные балтийские связи – лит. *mielas* 'милый', лтш. *mīls* то же, др.-прус. *mijls* то же. Однако, обнаруживая несомненное родство с **mirъ* и близость к нему в семантическом плане (при том, в самом архаичном значении **mirъ*),

* © В.Э. Орел